

Побег

Аушвиц, апрель 1943 года

Витольд и Ян запланировали побег на пасхальный понедельник, рассчитывая на то, что половина лагерного гарнизона уйдет в отпуски или будет навеселе после праздника. Эдмунд отказался бежать — опасался за свою семью. По этой причине в оставшиеся до побега дни Витольд все делал сам. Он спрятал в пекарне гражданскую одежду, раздобыл деньги, приготовил карманный ножик, сушеный табак (они собирались разбрасывать его за собой, чтобы сбить собак со следа), взятки для пекарей — яблоки, варенье, мед, мешочек сахара — и капсулы с цианидом калия на случай, если их поймают¹.

Теперь Витольду необходимо было устроиться на работу в бригаду пекарей, но это оказалось непростой задачей. Чтобы избежать депортации в другой лагерь, Витольда зарегистрировали в отделе посылок как незаменимого работника. Попытка перейти из отряда в отряд выглядела бы подозрительно. Ему придется симулировать болезнь, чтобы попасть в госпиталь. Затем нужно найти капо пекарского отряда и попытаться убедить его, что Витольду разрешили работать под его началом. Для побега у Витольда будет всего несколько часов, прежде чем его хитрость раскроют.

Теперь Витольд должен был сообщить другим руководителям подполья о своем скором уходе. Он постарался как можно проще объяснить свой выбор.

— Здесь у меня было задание. В последнее время я не получал никаких инструкций, — сказал Витольд одному из своих заместителей. — Я не вижу для себя смысла оставаться в лагере².

— Значит, вы считаете, что можете сами решать, когда приезжать в Аушвиц и когда уезжать? — слова заместителя звучали странно, учитывая, какому риску подвергался Витольд³.

Утро предпасхальной субботы, 24 апреля, выдалось теплым и пасмурным. Приступив к работе в отделении посылок, Витольд начал жаловаться на головную боль. После обеда он остался в своем блоке и постарался, чтобы капо услышал, как он мучается от болей в суставах и икрах — это типичные симптомы тифа. Капо приказал Витольду немедленно отправляться в госпиталь. Витольд настаивал, что у него лихорадка, но санитары ему не поверили. Кто-то из них подметил, что этот заключенный уже болел тифом. Однако Витольду удалось зарегистрироваться в госпитале без осмотра — помог его приятель Эдек.

Витольд не обратился к Дерингу — возможно, из-за все более возраставшей отчужденности доктора. В это время Деринг находился под давлением своего начальства из СС — его принуждали участвовать в радиационных и химических экспериментах над половыми органами заключенных и проводить хирургические операции по удалению матки у женщин и по кастрации мужчин. Деринг еще не принял окончательного решения, но уже провел одну секретную операцию по удалению яичек у немца-гомосексуалиста. Заключенные относились к Дерингу враждебно, и он чувствовал, что тучи над ним сгущаются. Новый капо госпиталя, Людвиг Вёрль, испытывал неприязнь к полякам и старался распустить польский медперсонал или перевести его в Биркенау. После того как евреям позволили лечиться в госпитале, Вёрль начал брать на работу санитаров-евреев вместо поляков. Деринг сохранил свою должность, но подвергался нападкам со всех сторон⁴.

На следующее утро, 25 апреля, Витольда разбудил Эдек. Витольд объяснил ему свой план и сказал, что надеется на помощь Эдека в оформлении выписки⁵.

— Эдек, я буду с тобой честен — я ухожу. Ты устроил меня в госпиталь, избежав обычных формальностей, и ты же поможешь мне с выпиской. Кого они схватят после моего побега? Тебя. Поэтому предлагаю тебе идти со мной⁶.

— Я доверяю вам, — ответил Эдек, даже не спросив, каков план побега⁷.

В тот же день Ян пришел в госпиталь навестить Витоляда. Услышав, что к ним присоединится Эдек, Ян поморщился. Найти место в пекарском отряде даже для одного Витоляда было непросто, не говоря уже о втором человеке. Витольд твердо сказал, что решение принято. «Ну, хорошо», — пожал плечами Ян⁸.

Вечером Эдек устроил скандал: он кричал на Вёрля, что ему надоело видеть, как в госпитале обращаются с поляками, и он хочет уйти. Капо огрызнулся: «Тогда проваливай, куда хочешь, идиот!» Витольд слышал эту ссору из своей палаты и понял, что она разрешилась наилучшим для них образом. Чуть позже раздались шум драки и крики. Впоследствии Витольд узнал, что Эдек избил санитаря, которого все ненавидели за то, что он делал заключенным инъекции фенола⁹.

Утром в понедельник, 26 апреля, Эдек отправился в госпиталь, чтобы оформить документы себе и справку на выписку для Витоляда. Сделать это было нелегко: Витольд предположительно страдал от тифа и должен был находиться в карантинном блоке минимум две недели. Эдек придумал отговорку: Витольту поставлен неверный диагноз, и на самом деле у него просто отравление. Они пришли в пекарню и увидели Яна, игравшего в карты с капо отряда пекарей. Капо был судетским немцем, и Ян какое-то время уже задабривал его. На столе стояла недопитая бутылка водки. Витольд объявил, что они новые пекари. Капо удивился, а Ян наклонился и зашептал ему на ухо¹⁰: «Капо, эти болваны думают, что будут объедаться тут хлебом и что у нас легкая работа. Оставь их мне на ночную смену, и я покажу им, что к чему»¹¹.

Это был момент истины. Витольд достал яблоко, немного сахара и маленький горшочек с вареньем, взятый в отделе посылок. У капо загорелись глаза. «Ладно, давайте посмотрим, какие вы пекари», — сказал он¹².

Итак, они приняты. Теперь нужно убедить двух пекарей уступить им место в ночной смене. Заключенные-пекари отдыхали на своих койках перед вечерней сменой, начинавшейся в шесть часов вечера. Витольд и Эдек затеяли громкий разговор о посылках, которые получили на Пасху. Это привлекло всеобщее внимание. Витольд и Эдек раздали яблоки и уговорили двоих пекарей отказаться от смены. Был ранний вечер, и им едва хватило времени на то, чтобы раздобыть

гражданскую одежду для Эдека. Он надел ее под полосатую робу. Спустя несколько минут бригаду пекарей позвали на смену¹³.

Они прошли через ворота. Солнце спряталось в облаках, и буквы надписи «Труд освобождает» озарил оранжевый свет. С юга надвигалась гроза. Из трубы крематория шел дым: в тот день для сжигания привезли тридцать три трупа, а в отдалении, в Биркенау, разводили костры для 2700 евреев из греческого города Салоники¹⁴.

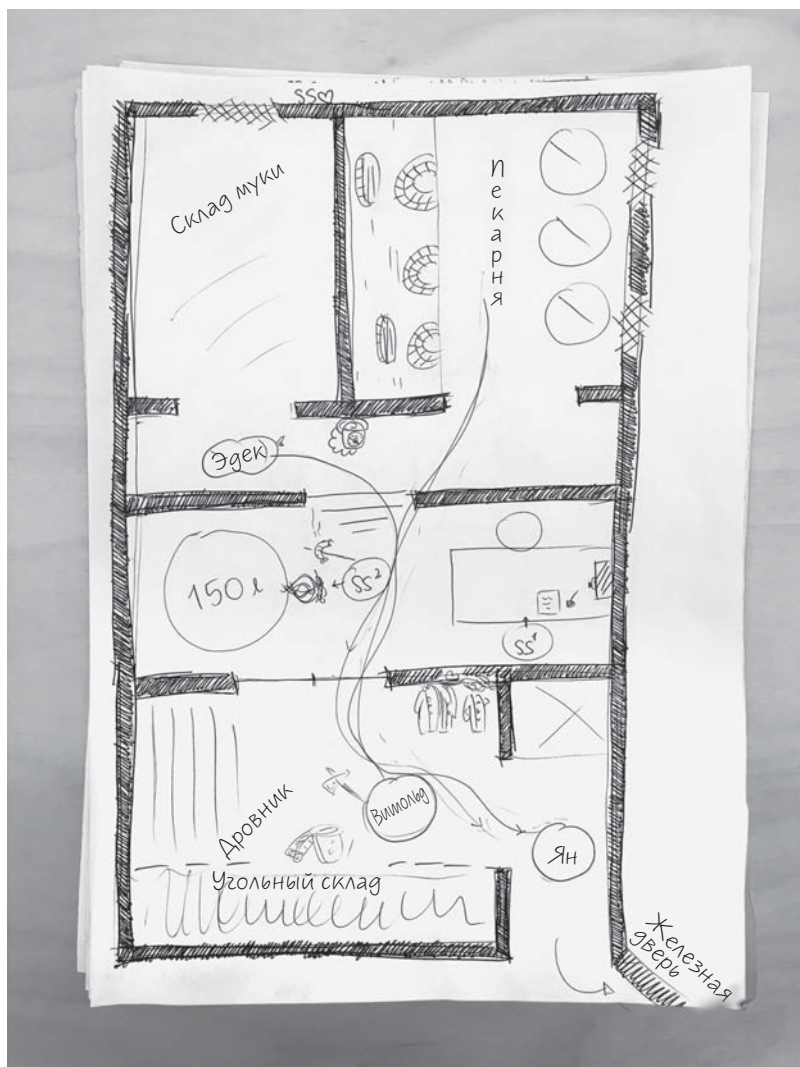
Отряд пекарей сопровождали четыре охранника-эсэсовца. Шла Пасхальная неделя, поэтому охранники были новые. Витольд надеялся, что благодаря этому охранники не заметят, что в отряде пекарей есть новички, следить за которыми нужно особенно пристально. Однако охранники были крайне бдительны, и даже привратник призвал их «не забывать об осторожности»¹⁵.

«Ни за что больше не пройду через эти ворота», — подумал Витольд, покидая лагерь¹⁶.

*

Дорога из лагеря в пекарню шла вдоль реки. Вода в реке казалась серой. Двое охранников повернули в сторону моста в город — вероятно, решили напиться в честь праздника. С заключенными остались только два эсэсовца. Когда Витольд и его спутники дошли до пекарни, наступили сумерки и начался дождь. Они остановились перед большим зданием из красного кирпича рядом с мельницей. Охранник достал из своего кожаного ранца ключ и открыл дверь. Из пекарни вышли заключенные, работавшие в дневную смену. Они ворчали, что на улице льет как из ведра. В это время Витольд и другие пекари проследовали через коридор в раздевалку. Охранник запер за ними тяжелую дверь, и они услышали, как снаружи задвинулся засов¹⁷.

Профессиональные пекари уже приступили к работе. Витольд и другие заключенные быстро сняли свои полосатые робы и надели белые фартуки, висевшие у двери. Они прошли котельную и через небольшой коридор попали в главный зал. Возле открытой печи котла охранники поставили стол и стулья, а у стены — узкую койку. В коридоре висел телефон — охранники каждый час отмечались в главном лагере. Витольд взял с собой перочинный нож, чтобы перерезать протянутые по потолку провода¹⁸.

План пекарни. Предоставлено Мартой Гольян

Главный зал пекарни представлял собой прямоугольную комнату с несколькими открытыми печами. Пекари быстро распределили обязанности между работниками ночной смены. Витольд должен был вымешивать тесто в большом электрическом тестомесе,

установленном на полу, а затем формовать хлеб и выкладывать на противни. Он моментально взмок, но изо всех сил старался выдерживать темп. Эдек накидал уголь в печь для первой партии из пятисот буханок, а затем выгреб угли кочергой. Эдек несколько раз обжегся, вскрикнул и упал на пол. Ян бросился к нему.

— Не беспокойся, со мной ничего не случилось, — прошептал Эдек. — Я притворяюсь, чтобы мне не давали тяжелую работу¹⁹.

Подошел рыжеволосый немец, примерно того же возраста, что и Эдек.

— Сколько тебе лет? — спросил он²⁰.

— Семнадцать, — ответил Эдек. На самом деле ему был двадцать один год.

— Как давно ты здесь?

— Больше двух лет.

— И ты еще жив?

Немец пожалел Эдека, велел ему взять пустой мешок из-под муки и лечь в коридоре.

Ночная смена выпекала пять партий хлеба. План побега состоял в том, чтобы уйти после первой или второй партии, около десяти часов вечера. Витольд уже был готов подать знак остальным, что пора выбираться, но Ян взглядом показал на окно кладовой: он заметил дежурного эсэсовца и его подругу, укрывшихся от дождя под карнизом крыши. Придется ждать, пока ливень ослабнет.

Ян продолжал следить за парочкой, волнуясь все сильнее.

Эдек лежал в коридоре и отсчитывал минуты. Партии хлеба вносили и выносили, а шансы на побег таяли. Эдек даже обрадовался, когда охранник приказал ему сделать несколько приседаний и принести уголь для котла.

Дождь прекратился около полуночи, и влюбленные ушли. К тому времени осталось выпечь только одну партию хлеба, и темп работы замедлился. Рыжий охранник жарил сосиску в печи котла. Второй немец, сидя за столом, писал письмо. Пекари сделали небольшой перерыв. Витольд понял: сейчас или никогда.

Витольд и Ян сказали пекарям, что идут за топливом на склад. Эдек последовал за ними с тачкой. Ян уже переоделся. Он вытащил ключ, заранее спрятанный на угольном складе. Витольд принялся шумно рубить дрова, а Ян проскользнул к входной двери.

Сначала нужно было открутить гайку, которая крепила засов к двери. Не без труда Яну удалось отвернуть гайку и протолкнуть болт наружу. Затем он занялся двумя другими болтами. Сдвинуть их было сложнее. Витольд и Эдек старались как можно сильнее шуметь, чтобы заглушить звуки, которые производил Ян.

В этот момент на склад заглянул рыжеволосый охранник.

— Где третий? — спросил он²¹.

Витольд и Эдек замерли.

Немец направился к выходу. Казалось, теперь Яна точно поймут, но он успел забежать в туалет и спустить штаны. Там его и нашел эсэсовец.

— А, вот ты где, — сказал охранник, все еще подозрительно глядя на Яна. Немец подошел к двери и включил фонарик, чтобы осмотреть ее. К счастью, он не заметил, что болты и гайки задвижки отсутствуют. Охранник вернулся к приготовлению сосиски.

Следующий шаг — отключить телефон в коридоре. Было почти два часа ночи. Охранники должны отметить в штабе. Витольд протянул Эдеку карманный ножик. Тот взял тачку и повез ее к печи. Рыжий охранник смотрел в сторону коридора, где находился телефон, но, казалось, был поглощен своей сосиской и созерцанием огня. Второй охранник спал на кровати. Эдек как можно тише опустил тачку, встал на мешок, вытянул руку и обрезал телефонный провод в двух местах. Он поймал падающий кусок провода, поспешил к печи, бросил улику в огонь и сразу понял свою ошибку, когда запах горячей резины наполнил комнату.

Подбежал рыжий охранник и спросил у Эдека, что тот бросил в огонь. Ничего не увидев, он обругал Эдека и вернулся в котельную. Эдек уже направился к выходу, когда один из пекарей приказал ему принести воды для теста. Эдек знал, что охранники могут в любой момент позвонить в штаб и обнаружить, что телефон не работает. Однако выбора не было. Он принялся носить ведра с водой из котельной, но тут появился раздраженный Витольд.

— Мы немедленно уходим из пекарни, — прошипел он. — Важна каждая секунда²².

Эдек поставил ведро рядом с котлом и вслед за Витольдом проскользнул мимо охранников в раздевалку. Витольд и Эдек схватили свертки со своей одеждой — переодеться было некогда — и подошли

к двери. Ян уже вставил дубликат ключа в замок. Ключ не сдвинулся с места. Ян попробовал еще раз, навалился на дверь всем телом. Витольд и Эдек помогли. Дверь прогнулась, а затем внезапно распахнулась, и внутрь ворвался холодный воздух. Витольд увидел звезды и Яна, бежавшего к реке. Витольд и Эдек рванули за Яном²³.

Раздались выстрелы. Беглецы не оглядывались — через двести метров их скроет ночная мгла. Витольд крикнул Яну, чтобы тот остановился. Витольд планировал пересечь Солу по городскому мосту, а затем по противоположному берегу пойти в обратном направлении, в сторону лагеря, и дальше на восток, к Кракову — он надеялся, что эсэсовцы никогда не догадаются о таком маршруте. Однако Ян побежал в противоположном от лагеря направлении.

— Ты говорил, что знаешь, куда идти? — спросил Ян, наклонившись и тяжело дыша, когда Витольд и Эдек, наконец, догнали его²⁴.

Мост через реку Солу

— Да, — ответил Витольд, но возвращаться было уже поздно. Им придется пересечь реку в другом месте. Они побежали друг за другом вдоль берега реки прочь от города, одновременно натягивая на себя гражданскую одежду. Приготовленный мешок с табаком порвался. Впереди они услышали грохот поезда, а затем увидели освещенные вагоны, двигавшиеся по мосту через реку. Это был основной путь в Краков²⁵.

Мост наверняка под охраной.

— У нас нет выхода, — сказал Витольд, направляясь к мосту. — Мы пойдем самой короткой дорогой²⁶.

Увидев будку часового на железнодорожной насыпи, они упали на мокрую землю, затаились. Вокруг было тихо. Через несколько минут они приблизились к будке и обнаружили, что в ней никого нет.

Витольд ступил на мост первым, Ян и Эдек последовали за ним. Справа угадывались очертания Освенцимского замка, слева расстиралось открытое поле, через которое бежала река. Железнодорожная линия исчезала в черной пустоте. Сколько заключенных проехало по этому мосту, чтобы никогда больше не вернуться?²⁷

Они достигли противоположного берега, спустились с насыпи на мокрое поле. Сола удалялась от железной дороги и примерно через три километра впадала в Вислу. И Висла, и железнодорожные пути тянулись на восток — туда, куда направлялся Витольд со спутниками. Беглецы планировали пересечь Вислу, чтобы к рассвету добраться до лесистого северного берега. Они шли вдоль берега, густо поросшего камышом и крапивой. Пахло диким чесноком, в воздухе витал восхитительный миндальный аромат цветущей черемухи. По другую сторону путей прожекторы метались вокруг дымоходов огромного завода синтетического каучука IG Farben. Тысячи людей погибли при возведении этой фабрики, а она все еще не достроена. Почти час они обходили рвы и канавы²⁸.

К тому времени беглецы находились километрах в пятнадцати от лагеря. Начинало светать. Вдалеке на противоположном берегу реки виднелись деревья, обещавшие укрытие. Река здесь была шире, утренний туман клубился над поверхностью воды и постепенно таял.

— Хорошо бы переплыть реку на лодке, — сказал Ян.

Им повезло: вскоре они наткнулись на заполненную водой лодку, прикованную к кольшку у берега. За деревьями, чуть в стороне, темнели хозяйственные постройки. Цепь держал навесной замок с простым болтом. Ян достал гаечный ключ. Ключ подошел, и они отвязали лодку. Витольд нашел пустую консервную банку, чтобы вычерпывать воду. Они прыгнули в лодку, оттолкнулись от берега и поплыли. Достигнув песчаной отмели, они оставили лодку и последние несколько метров до берега брели в ледяной воде²⁹.

Витольд поднялся на берег и увидел, как под лучами солнца тает утренний туман. До леса полтора километра открытой местности.

Год назад в окрестных деревнях прошли этнические чистки, и теперь там проживали немецкие поселенцы. Витольд понимал, что бритые головы и грязная одежда сразу выдадут в них сбежавших заключенных. Ян вытащил из кармана цветной шарф, обернул его вокруг головы Эдека и пошутил, что Эдек похож на очень уставшую женщину³⁰.

Они ковыляли на онемевших ногах, вдруг послышался вой лагерьной сирены и рев мотоциклов вдалеке. Ощувив всплеск адреналина, Ян помчался в сторону леса, а Витольд с Эдеком едва поспевали за ним. До леса Ян добрался первым³¹.

Висла на рассвете

Посаженные местным землевладельцем сосны росли аккуратными рядами. Витольд и Эдек потеряли Яна из виду и пошли по одному из рядов, пока не оказались в тенистом лесном полумраке. Внезапно из-за дерева вышел Ян. Он раскинул руки и широко улыбнулся³².

— Позвольте поприветствовать вас в редколесье! — объявил он³³.

Друзья обняли его и расцеловали. Витольд упал на спину на ковер из мха и сухой сосновой хвои и устремил взгляд вверх, на сужавшиеся стволы деревьев.

«Сосны перешептывались, покачивая огромными верхушками, — вспоминал он. — Между стволами деревьев виднелось голубое небо. Роса искрилась на кустах и траве, как маленькие драгоценные камни... Местами сквозь ветви деревьев пробивались солнечные лучи»³⁴.

Меткув лес, где Витольд, Ян и Эдек остановились для отдыха

Ранним утром лес наполнился голосами птиц — трелями жаворонков и карканьем ворон. Витольда же больше всего поразила стоявшая тишина: «...тишина, далекая от людского шума... от людских интриг... тишина, в которой не было ни единой живой души... невероятный контраст с лагерем, где, как мне казалось, я провел тысячу лет»³⁵.

Он нащупал в кармане баночку с медом и чайную ложечку и предложил Яну и Эдеку подкрепиться. «Мы были очарованы всем, — писал Витольд. — Мы были влюблены в этот мир... но только не в его людей»³⁶.

*

Чувство умиротворения постепенно ушло, вернулась настороженность, и они снова заговорили о побеге. Что-то подсказывало Витольду, что граница между рейхом и генерал-губернаторством должна быть недалеко. Каким-то образом им нужно ее перейти, а затем добраться до дома надежных людей в Бохне, в 160 километрах отсюда. У них не было ни еды, ни денег, ни документов, а лагерное гестапо, несомненно, уже разослало ориентировки на них во все полицейские управления этого района.

Они продолжили путь во второй половине дня и вскоре встретили лесника, который попытался вступить с ними в разговор. Беглецы скрылись от него в густой поросли молодых сосен. В сгущавшихся сумерках они перешли главную дорогу. Рельеф местности

поменялся, и они поднимались по склону в лиственный лес из бука и граба. На вершине холма они увидели известняковые стены полуразрушенной крепости и направились туда.

Никаких признаков жизни в крепости не было, но они не стали задерживаться возле нее. Неподалеку от крепости они нашли овраг, засыпанный прошлогодней листвой. Беглецы зарылись в листву, было мокро и холодно. Ян и Эдек уснули, а Витольду нездоровилось. Он лежал и обдумывал их дальнейшие действия. Граница хорошо охраняется. Им нужен проводник, но кому можно довериться? После двух с половиной лет в лагере он не знал, как будут настроены люди, которых он встретит. Большинство его соотечественников по-прежнему против нацистов, но из-за голода, страха или амбиций люди вынуждены договариваться с оккупантами. Нацисты давно покровительствуют полякам, у которых есть хотя бы немного немецкой крови, а сейчас активно стараются привлечь на свою сторону еще больше поляков.

Около четырех часов утра Витольд задремал, но вдруг вспомнил один разговор. В прошлом году кто-то из заключенных рассказывал, что его дядя служит священником прямо на границе. Витольд запомнил имя этого человека и название города — Альверня. Это должно быть где-то недалеко.

Эдек ворочался рядом с ним, во сне он бормотал о хлебе и сахаре, а потом внезапно вскочил и потребовал: «Ну? [Витольд] принес хлеб?»³⁷

Витольд улыбнулся и осторожно разбудил его.

«Спокойно, дружище. Посмотри вокруг: лес, замок, мы спим в листьях. Это сон»³⁸.

Надо было вставать и идти, пока темно. Мышцы задервенели. Беглецы медленно спустились по лесистому склону холма. Небо посветлело, и сквозь редеющие деревья они увидели дорогу. Впереди на холме возвышалась церковь, вокруг раскинулся город, на улицах появились первые прохожие. Витольд поручил Яну спросить дорогу: Ян был лучше всех одет и к тому же он был лысым, а не бритым. Витольд и Эдек издали наблюдали, как Ян дошел до дороги и догнал какого-то человека. Перекинувшись с ним парой слов, Ян вернулся. Он подтвердил, что город на холме — Альверня и до границы осталось меньше полутора километров, а у въезда в город стоит

таможенный пост. Они стали рассматривать дорогу, и им показалось, что вдали они заметили пограничника.

Единственный способ незаметно добраться до церкви — идти через лес. Они перебежали дорогу, а затем, прячась за деревьями, двинулись дальше. Беглецы едва держались на ногах, когда подошли к церкви. Обессиленные, опустились на землю возле старого дуба. Зазвонил церковный колокол.

— Ничего не поделаешь, дорогой [Ян], в церковь придется идти тебе, — сказал Витольд³⁹.

Ян покорно встал и пошел, а Витольд и Эдек забылись тревожным сном. Вскоре Ян вернулся. Священник, которого он нашел, не поверил в то, что они сбежали из Аушвица, и заподозрил Яна в попытке заманить его в ловушку. Витольд отправил Яна обратно, сообщив ему все, что знал о семье священника, вспомнив даже какие-то подробности из рождественского письма его друга, адресованного родным. На этот раз Ян привел с собой священника. Тот очень волновался, пока не увидел ужасного состояния Витольда и Эдека и не убедился в правдивости их слов. Он ушел, но вскоре возвратился. Священник принес кофе, молоко, пакеты с хлебом, сахаром, маслом, ветчиной, пасхальными яйцами и куличом.

Мужчины открывали пакеты один за другим, радуясь каждому. «Чего только нет в этих свертках!» — воскликнул Эдек⁴⁰.

Была даже мазь для втирания в суставы и сигареты. Поев, они закурили.

Оказалось, что это не тот священник, которого они искали, но он был знаком с семьей друга Витольда и обещал помочь беглецам. Он знал проводника, который сможет провести их через границу в генерал-губернаторство, но они должны оставаться в укрытии, пока он не вернется с проводником, ведь повсюду рыщут пограничники.

В обед священник принес новые пакеты с едой, сотню марок, темные береты и рабочую одежду. Он сказал, что придет с проводником, когда стемнеет⁴¹.

*

Беглецы поели, немного поспали. К десяти часам вечера священник привел проводника и принес еще немного провизии. Витольд и его товарищи уже были готовы двинуться в путь. Ночь стояла ясная.

Проводник был пожилым человеком, худощавым и молчаливым. Он вел их по холмам, пока они не достигли труднопроходимой расщелины, заваленной упавшими деревьями и заросшей ежевикой. Проводник сказал, что генерал-губернаторство начинается в ста метрах по другую сторону. Беглецы пробрались через бурелом и оказались на дороге. Они шли по ней до рассвета, а потом до вечера прятались в придорожных кустах. Было настолько влажно и грязно, что они не могли уснуть. С наступлением сумерек Витольт, Ян и Эдек продолжили свой путь.

Вскоре они подошли к полноводной Висле. На противоположном берегу стоял бенедиктинский монастырь и небольшой городок Тынец. Паромщик согласился перевезти их на лодке. Пока они усаживались, он пристально рассматривал их. Паромщик предупредил путников, что приближается комендантский час. Они переправились на другой берег и поспешили в сторону города. Крестьяне гнали с пастбищ скот. В одном из домов открылась дверь, и на пороге появилась хозяйка. Ян хотел попросить у женщины молока и хлеба, но она быстро захлопнула дверь. На другом конце города беглецы еще раз попробовали найти еду и кров. Женщина собиралась прогнать их, но тут подошел ее муж. Несмотря на возражения жены, он предложил им немного свекольного супа⁴².

— Вы, наверное, едете с работ в Германии? — спросил хозяин, когда они вошли в дом⁴³.

— Да, — ответил Ян⁴⁴.

— Но ведь там можно быть с волосами, а вы все стриженные? — продолжил мужчина.

Ян сказал, что была эпидемия тифа и им пришлось побрить головы, однако хозяин дома явно им не верил. Он упомянул про Аушвиц, но они уклонились от этой темы. Мужчина предложил им переночевать в сарае, и Витольт, который так ни разу и не выспался за двое суток, прошедших с момента побега, согласился. На следующее утро они уже были в пути.

Несколько дней они двигались, обходя деревни стороной, и лишь время от времени стучали в двери в поисках еды и воды, но нигде не задерживались надолго. Они шли вдоль Вислы на восток, обогнули Краков и 1 мая достигли лесного массива под Неполомице. По другую сторону леса находилась Бохня — городок, где они надеялись найти семью Эдмунда.

Стояло теплое весеннее утро. Вокруг никого не было, они шагали по извилистой лесной дороге, пока не наткнулись на побеленный дом лесника. Зеленые ставни были закрыты, никаких признаков жизни. Они миновали двор и вдруг увидели немецкого солдата с винтовкой за плечом. Они продолжали идти, пытаясь сохранять спокойствие, и прошли с десятков шагов, прежде чем немец крикнул: «Хальт!»

Они не остановились⁴⁵.

— Хальт! — снова закричал немец и взвел курок.

Витольд повернулся к нему с улыбкой.

— Все хорошо, — сказал он⁴⁶.

Из дома вышел второй солдат, а первый, который приготовился стрелять, опустил оружие. Он был метрах в тридцати, второй — метрах в пятидесяти.

Джон Гилкс

— Парни, бегите! — заорал Витольд и бросился удирать. Они кинулись врассыпную, вслед раздались выстрелы. Витольд прятался за стволами деревьев и между кустами, вокруг свистели пули. Мгновение спустя он почувствовал короткий резкий удар в правое плечо. «Сволочь», — подумал он, но боли не почувствовал и побежал дальше⁴⁷.

Витольд видел Эдека, бегущего левее, и окликнул его, как только они оказались в чаще. Они остановились. Вдали все еще звучали

выстрелы. Яна нигде не было. Эдек осмотрел рану: Витольду невероятно повезло — пуля прошла навывлет через плечо, не задев кость. Эдек перевязал рану (йод и бинты они прихватили из лагеря). Еще три пули продырявили штаны и куртку Витольда, не причинив ему вреда. Казалось, найти Яна в лесу невозможно. Они решили отправиться в Бохню в надежде, что и Ян тоже туда придет⁴⁸.

Когда Витольд с Эдеком вышли из леса, уже темнело. Они добрались до небольшой деревни на реке Рабе и переплыли на противоположный берег на пароме. Вскоре показались огни Бохни — старого городка, где добывали соль. В XIX веке городок, входивший в состав Австро-Венгерской империи, процветал. Теперь в центре города нацисты устроили гетто, но еще не ликвидировали его. Витольд и Эдек шагали молча, думая о Яне.

Юзеф Обора в годы войны. Предоставлено Мартой Орловской

Они переночевали на чердаке крестьянского дома, а родственников Эдмунда нашли на следующее утро. Тесть Эдмунда, Юзеф Обора, работал на улице в саду. Увидев Витольда и Эдека, он заулыбался, что показалось немного странным. Все прояснилось, когда они вошли в дом: в одной из комнат на кровати, высунув ноги из-под покрывала, крепко спал Ян, целый и невредимый. Они бросились к другу, обняли его, а затем провели несколько счастливых часов: отъедались

и знакомились с семьей Обора. Заговорили о лагере, и Витольд забеспокоился. Несмотря на травму и крайнюю усталость, он настаивал на немедленной встрече с кем-нибудь из подполья. Однако местный подпольщик, с которым его свели, сказал, что для этого потребуется время, и Витольду пришлось смириться с обстоятельствами⁴⁹.

*

Через несколько дней подпольщик зашел за Витольдом, и они отправились в соседний город Новы-Виснич, а Эдек и Ян остались в доме семьи Обора. Витольд поинтересовался у своего спутника, как зовут командира, с которым ему предстоит встретиться. «Томаш Серафиньский», — услышал он в ответ. Это был тот самый человек, под именем которого Витольд находился в Аушвице⁵⁰.

— Все в порядке? — спросил его сопровождающий⁵¹.

— Ничего, я просто немного устал, — ответил Витольд. — Давайте пойдем побыстрее⁵².

Они поднялись на холм и увидели старый замок Новы-Виснич на лесистом склоне напротив. Под ним раскинулся маленький городок. Дом Томаша находится с другой стороны от замка, объяснил попутчик Витольда. Гестапо расположилось в монастыре неподалеку, поэтому нужно соблюдать осторожность. Витольд быстро зашагал к дому Томаша, убежденный, что сама судьба ведет его туда.

Дом стоял в стороне от деревьев, посаженных вдоль дороги. Это был деревянный особняк с черепичной крышей из кедра, а крыльцо украшала резьба с цветочным орнаментом. За домом виднелась конюшня, за ней — поле. Рядом с воротами висела табличка с черно-золотой надписью Koguznówka.

Жена Томаша, Людмила, приняла их в задней части дома, на веранде. За домом был сарай, фруктовый сад и пруд. Участок за домом имел небольшой уклон в сторону реки.

— Я пришел вернуть Томашу его имя, — объявил Витольд⁵³.

Он представился именем Томаша Серафиньского ее мужу — невысокому, интеллигентного вида человеку.

— Так я тоже Томаш, — недоуменно произнес тот. Витольд сообщил Томашу все его биографические данные, а затем назвал на немецком языке свой номер в Аушвице и перечислил все свои переводы между рабочими отрядами и блоками за три года⁵⁴.

Только после этого Витольт разъяснил все до конца.

«Нельзя даже предположить, как человек мог бы отреагировать, услышав подобное», — вспоминал Витольт. Томаш широко развел руки, улыбнулся и обнял Витольтда⁵⁵.

Сидя с Томашем и Людмилой за маленьким обеденным столом, Витольт чувствовал себя как дома. Томаш, как и Витольт, был шляхтичем. Он изучал право в Кракове, а потом вернулся в семейное поместье и стал управлять им. Стены дома украшали картины художника Яна Матейко, который приходился Томашу родственником. Томаш предложил Витольту поселиться в сарайчике. Людмила приготовила фирменное семейное блюдо — ржаные пирожки, — и за обедом Витольт рассказал Томашу о лагере. Витольт пояснил, что для атаки лагеря не нужен многочисленный отряд. Достаточно небольшой диверсии у ворот⁵⁶.

Томаш посчитал предложение Витольтда неблагоразумным, но согласился передать его просьбу руководителям краковского подполья. Он предупредил Витольтда, что на это может уйти несколько недель: гестапо проникло в организацию, и половина руководства сейчас в тюрьме или в бегах.

Томаш Серафиньский. Ок. 1940 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

Через несколько дней Томаш уехал в город, а Витольт сел писать отчет для варшавского подполья. Он вкратце охарактеризовал лагерь

и описал структуру подпольной организации. Суть его отчета состояла в следующем: в лагере есть сила, способная устроить восстание. Витольд требовал немедленных действий⁵⁷.

Неделю спустя Ян и Эдек приехали навестить Витольда. Он попросил их сделать записи о преступлениях нацистов, свидетелями которых они стали, чтобы включить в свой отчет. Они были потрясены, когда осознали, как мало людям известно о зверствах, которые совершают немцы в Аушвице. Сотни людей умирают в лагере каждый день, а всех вокруг волнуют только польские офицеры, убитые в Катыни⁵⁸.

«Никто не протестует! Никто не расследует, не приезжает! Молчание! Женева молчит. Запад никак не реагирует, — написал Ян. — Трудно поверить, что мир, который отреагировал на бойню в Катыни, до сих пор не осознает, что на самом деле происходит в немецких концлагерях»⁵⁹.

Ян, Витольд и Эдек (слева направо) под Корузнувкой. Июнь 1943 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

*

Томаш представил свои соображения об атаке на Аушвиц руководством подполья в Кракове в конце июня или начале июля. Идею отклонили как неосуществимую, а некоторые подпольщики

усомнились в правдивости истории, рассказанной Витольдом. Они знали, что из Аушвица удалось бежать лишь нескольким заключенным, но никто из них не предлагал вернуться и освободить лагерь. Подпольщики изучили карту лагеря и обнаружили, что на ней не обозначена пекарня. Руководство краковского подполья пришло к выводу, что Витольд — немецкий агент. Томашу приказали разорвать с Витольдом отношения. Томаш отказался, и ему пригрозили изгнанием из рядов движения сопротивления⁶⁰.

Витольд был возмущен, когда узнал о результате. Кто такие эти «корифеи подполья»? Они утверждают, что обеспокоены тяжелым положением заключенных Аушвица, но когда выпал шанс действительно спасти хоть кого-то, они ничего не делают! Кроме того, краковские подпольщики отказались достать фальшивые документы для Витольда, а это означало, что он рискует быть арестованным на первом же КПП. «Мы с таким же успехом могли бы сломать [себе] шею», — негодовал Витольд⁶¹.

Сарай Томаша Серафиньского, где жил Витольд

У Витольда не было выбора, поэтому он отправил сообщение своему бывшему курьеру Стефану Белецкому в Варшаву и попросил Ровецкого подтвердить его полномочия. Через несколько дней Стефан привез в Новы-Виснич поддельные документы на имя Витольда

и таблетку цианида. Стефан доложил Витольду, что никакого решения о восстании принято не было. Он добавил, что семья Витольты в безопасности и ждет встречи с ним. На самом деле Стефан пообещал Элеоноре, что немедленно доставит Витольту домой. Однако тот уезжать не собирался⁶².

Удостоверение личности, оформленное
для Витольты после его побега из лагеря.

Предоставлено Государственным музеем Аушвиц-Биркенау

Несколько недель спустя Томаш представил Витольду Анджея Мождженя, местного руководителя диверсионного отряда. Мождженя сказал, что может собрать для нападения на Аушвиц 150 человек. Трудность, объяснил Мождженя, заключается в следующем: чтобы нанести удар, диверсанты должны подойти достаточно близко к лагерю, а на подготовку потребуется немало времени. Витольт считал, что люди в лагере не могут ждать. Он боялся, что эсэсовцы уже отомстили заключенным за его побег. Из Аушвица в Новы-Виснич начальником гестапо Грабнером был отправлен офицер СС, чтобы арестовать Витольту. К счастью, Витольты не было в доме, а Томаш сумел убедить эсэсовца, что произошла ошибка. Томаш не был похож на лагерное фото Витольты, принесенное эсэсовцем, и это спасло Витольту⁶³.

Этот случай доказал, что необходимо как можно быстрее ударить по лагерю. Витольт спросил Мождженя, реально ли найти три машины, чтобы доставить в лагерь людей и оружие для атаки. Бойцы

оденут форму СС, чтобы без проблем доехать до лагеря, а затем прорваться обратно. Витольд понимал, что это крайне рискованная операция, но чувствовал, что он в долгу перед теми, кто остался в лагере⁶⁴.

Витольд и Томаш. Рисунок Яна Стащиневича. Июль 1943 года.

Предоставлено Марией Серафиньской-Доманской

Семья Обора, у которой пока жили Ян и Эдек, поддерживала связь с Эдмундом Забавским: они регулярно отправляли ему в лагерь посылки с записками. Витольд зашифровал свой план на краях салфетки, в которую был завернут пакет с хлебом, чесноком и луком для Эдмунда. «Мы можем приехать на трех машинах. Дайте нам знать», — говорилось в записке⁶⁵.

Ответ пришел через несколько недель: «Друзья Эльзуни не должны никуда ехать на машине, им нужно оставаться дома и работать». В другой записке добавлено: «Наступает осень, уже слишком холодно приезжать, и еще не время думать о нас»⁶⁶.

Подполье в лагере работало, но для атаки понадобилось бы больше трех машин. Витольд решил ехать в Варшаву, чтобы ускорить принятие мер. Вероятно, до него дошли слухи о кризисе в рядах

руководства подполья: в конце июня гестапо арестовало Ровецкого, а 4 июля в авиакатастрофе в Гибралтаре погиб глава польского правительства в изгнании Сикорский.

В августе за несколько дней до своего отъезда в Варшаву Витольд получил письмо от Стефана. Он вскрыл конверт, но о восстании в письме не говорилось ни слова. Стефан писал, что штаб подполья в Варшаве «искренне желает» наградить Витольда медалью. В ярости Витольд выбросил письмо. Награды ему не нужны. Он горел желанием действовать⁶⁷.